№ 19. 5-ое МАЯ 1878 ГОДА. **ГОДЪ XX.**

Подписка на журналъ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп., съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера.

Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

ременный Янусъ.

ъ голоду

ОЧЕРКЪ ИЗЪ БЫТА ПРОВИНЦІЯЛЬНЫХЪ АКТЕРОВЪ.

Пятая недѣля Великаго поста. Снѣгъ крупными и мягкими хлопьями опускается на улицы и тротуары, безъ того покрытыя грязью и слякотью. Шесть часовъ вечера. Въ подъѣздъ трактира, находящагося на углу Кузнецкаго моста и Газетнаго переулка, посѣщаемаго большею частію артистами, вошелъ молодой человѣкъ. Отдавъ пальто въ руки швейцара и отвѣтивъ на привѣтствіе хозяина и буфетчика, онъ вошелъ въ залу. Въ залѣ, въ углу, сидѣлъ только одинъ посѣтитель и читалъ газету. Артисты, наполнявшіе часъ тому назадъ эту комнату, поговоривъ о новостяхъ дня, счастливые, *кончивши*, т. е. заключивши на словахъ ангажементъ съ антрепренерами, удалились по домамъ. Посѣтитель, сидѣвшій за газетой, судя по его бритому, лишенному волосяныхъ украшеній лицу, былъ актеръ. Увидя новопришедшаго, онъ оставилъ свою газету и протянулъ ему руку.

— Что это вы засидѣлись такъ? сказалъ тотъ, — неужели съ давешнихъ поръ?

— Нѣтъ. Я ходилъ потомъ къ антрепренеру, котораго давеча ждалъ здѣсь; оказывается, что онъ ужь уѣхалъ въ С. и вотъ какую пріятную записочку оставилъ мнѣ. Слушайте, я вамъ ее прочту: «Г. Бронскій, я уѣзжаю въ С. Денегъ, обѣщанныхъ вамъ впередъ, — дать не могу. Если можете, пріѣзжайте».

— Не совѣтую я вамъ туда ѣхать: я слышалъ, что тамъ дѣлъ хорошихъ быть не можетъ.

— Что вы мнѣ говорите, Потаповъ!... До того ли мнѣ, чтобы разбирать, будутъ ли хорошія, или дурныя дѣла. Я прожился здѣсь совсѣмъ. Ухватился за него, — въ надеждѣ получить впередъ денегъ, — какъ утопающій хватается за соломенку. Мнѣ жить нечѣмъ: все, что было возможно, съ себя и жены заложилъ, за номеръ платить нечѣмъ... Я вотъ тутъ кой съ кѣмъ выпилъ водки да закусилъ, а жена дома безъ обѣда сидитъ, ждетъ, что я принесу денегъ... Какъ теперь быть, я ужь и не знаю, совсѣмъ голову потерялъ... — На его глазахъ навернулись слезы.

— Перестаньте грустить, можетъ завтра же навернется какой нибудь антрепренеръ, дастъ денегъ и все горе ваше какъ рукой сниметъ; а теперь давайте-ка выпьемъ съ горя водочки да закусимъ чего нибудь. Капитонъ! Дай-ка намъ графинчикъ водки да карточку.

Черезъ минуту передъ собесѣдниками появился графинчикъ съ влагой, имѣющей магическую силу уменьшать горе и увеличивать веселье. Подали заказанныя Потаповымъ котлеты, которыя вмѣстѣ съ влагой, наполнявшей графинъ, скоро исчезли. Потаповъ приказалъ подать другой графинъ и заказалъ еще чего-то на закуску. Только что они принялись за второй графинчикъ, какъ явился Крамолинъ, душа всѣхъ актеровъ и театраловъ. Онъ былъ навеселѣ и съ его присутствіемъ наши собесѣдники оживились. Крамолинъ былъ весельчакъ, острякъ и вообще, что называется, душа общества. Разсказавъ нѣсколько анекдотовъ и показавши два-три фокуса съ монетами, онъ сказалъ Потапову:

— Ну-съ, Алексѣй Павловичъ, извольте насъ угощать шампанскимъ, будетъ вамъ водку-то хлестать.

— Это съ какой же радости?

— А во-первыхъ съ той, что меня увидали. Во-вторыхъ за то, что не были вчера у меня на имянинахъ жены.

— Прости, братъ, я никакъ...

— Ну, что тутъ толковать, не были и чортъ съ вами. Тамъ пріѣдешь, передъ женой извинишься, а теперь ставь-ка, ставь!

— Вотъ что, сказалъ Потаповъ, — поѣдемте лучше въ Эрмиталъ или Славянскій Базаръ, а то здѣсь никого нѣтъ, скучно.

— Ѣдемъ.

Потаповъ заплатилъ за все выпитое и съѣденное и всѣ трое отправились въ Эрмитажъ. Бронскій не хотѣлъ было ѣхать. Не смотря на большое количество выпитой водки, ему представлялась жена, сидящая одиноко въ номерѣ и голодающая въ ожиданіи его, но онъ надѣялся, что Потаповъ дастъ ему немножко денегъ взаймы, на которыя онъ могъ бы просуществовать нѣсколько дней. Онъ уже хотѣлъ было рѣшиться попросить, какъ подошелъ Крамолинъ и помѣшалъ. Просить взаймы при третьемъ лицѣ ему было совѣстно, и вотъ онъ рѣшился ѣхать съ ними въ Эрмитажъ, надѣясь при разставаньи улучить минуту, когда останется съ Потаповымъ вдвоемъ.

Купецъ Потаповъ былъ золотой человѣкъ для актеровъ. Это былъ купецъ, какихъ еще очень мало въ наше время. Онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, былъ очень не глупъ, и, обладая огромнымъ капиталомъ, не зналъ, куда дѣвать свои досуги и способности. Онъ пробовалъ заниматься переводами, игралъ на любительскихъ спектакляхъ, писалъ въ нѣсколькихъ журналахъ разсказы, все это выходило порядочно, и потому произведенія его, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, печатались. Относительно талантливости лицедѣйскихъ способностей его трудно сказать тоже самое, потому что любительская игра терпѣливо смотрится, какая бы она

ни была. Онъ не дурно игралъ на скрипкѣ, на рояли и еще на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ. Но все это, за что онъ ни брался, вскорѣ ему надоѣдало и онъ возвращался къ излюбленному имъ времяпрепровожденію за графинами и бутылками съ актерами, которымъ это времяпрепровожденіе также не было противно.

Въ Эрмитажѣ, благодаря веселости и каламбурамъ Крамолина, а болѣе всего шампанскому, время пролетѣло незамѣтно. Прекрасный органъ, газъ въ великолѣпныхъ канделябрахъ и бра, веселый говоръ, множество пирующихъ мужчинъ и женщинъ, звонъ посуды, шмыгающіе впередъ и назадъ половые въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ—все это отуманило и безъ того кружившуюся голову Бронскаго. Въ головѣ его бродило много мыслей, но ни на одной изъ нихъ онъ не могъ остановиться, все путалось и перемѣшивалось въ какой-то хаосъ, а въ ушахъ звенѣли разухабистые звуки Оффенбаховской оперетки.

— Ну, однако мнѣ пора,—сказалъ, вставая, Крамолинъ.—Прощай, Леша.

— Посиди, вмѣстѣ отправимся, сказалъ тотъ.

— Нѣтъ, братъ, я и то засидѣлся; жена, бѣдная, я думаю, заждалась, она вѣдь безъ меня ни за что спать не ляжетъ. До свиданія, г. Бронскій.

Эта фраза какъ громомъ ошеломила Бронскаго, онъ сразу почти совсѣмъ отрезвѣлъ. «Жена... дома... дожидается...» Эти слова заставили его вспомнить о своей женѣ, которая тоже его дожидалась и можетъ быть еще ничего не ѣла...

Только что отошелъ отъ нихъ Крамолинъ, онъ бросился къ Потапову и, задыхаясь, попросилъ у него взаймы три рубля...

— Съ удовольствіемъ, сказалъ тотъ,—но не знаю, останется ли у меня отъ расплаты.

Онъ вынулъ портъ-моне и подозвалъ половаго. Тотъ на вопросъ, сколько слѣдуетъ, отвѣчалъ: пятнадцать рублей. У Потапова въ портъ-моне, кромѣ трехъ синенькихъ, осталось только нѣсколько копеекъ.

— Что бы вамъ сказать мнѣ давеча объ этомъ, сказалъ онъ, отдавая половому деньги.—Самому мнѣ предложить вамъ было неловко, а потомъ я и забылъ о вашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

И не мудрено было забыть—онъ говорилъ уже коснѣющимъ языкомъ и, взявъ шляпу изъ рукъ половаго, неровными шагами направился къ выходу изъ залы. Бронскій, опустивъ голову, послѣдовалъ за нимъ.

Выйдя на подъѣздъ и садясь въ свою карету, Потаповъ предложилъ Бронскому подвезти его, но оказалось, что имъ не по дорогѣ, и Бронскій пошелъ пѣшкомъ. Нѣсколько извощиковъ, ругаясь другъ съ другомъ, живо подлетѣли къ нему и предлагали свои услуги, величая его всевозможными титулами.

— Ваше сіятельство! вотъ на рѣзвой!

— А я дожидался вашу милость.

— Со мной, сударь, всегда изволите ѣздить!

— Прокатали бы рубликъ...

«Прокатали бы рубликъ»! А у бѣднаго Бронскаго не было въ карманѣ пяти копеекъ, чтобы завтра купить къ чаю, котораго еще оставалось немного, бѣлаго хлѣба...

Рѣзкій вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо и мокрый снѣгъ валилъ на пальто и шляпу и безъ того уже потерявшую лоскъ. «Пятнадцать рублей!» думалось ему.—«Пятнадцать рублей брошено за нѣсколько часовъ бражничанья. На эти пятнадцать рублей я бы могъ цѣлые полмѣсяца быть сытымъ, тогда какъ теперь»...

— Вашей барыни дома нѣтъ-съ, сказалъ ему корридорный, подавая ключъ отъ номера.—Вотъ извольте ключъ.

— Дома нѣтъ? Гдѣ же она?

— Не могу знать-съ.

Недоброе предчувствіе шевельнулось у него на душѣ. Войдя въ номеръ и засвѣтивши свѣчу, онъ увидалъ на столѣ записку.

Вотъ что было писано тамъ:

«Я наконецъ убѣдилась, что намъ жить вмѣстѣ тяжело для обоихъ; я рѣшилась разстаться съ вами. Не ищите меня и не дѣлайте скандала, это ни къ чему не поведетъ. Прощайте навсегда».

Много горя и лишеній перенесъ Бронскій въ послѣднее время, но этого онъ не ожидалъ. Много разъ перечитывалъ онъ записку и, какъ бы наизусть заучивая, повторялъ вслухъ цѣлыя фразы.

— За что же, за что? говорилъ онъ,—что я сдѣлалъ?... Я ли не любилъ ее?... Бѣдность... лишенія... да развѣ я виноватъ?... Прощайте навсегда... И такъ легко, коротко и ясно.

Чувство горькаго, безотраднаго одиночества щемило его грудь. Мысль о самоубійствѣ вдругъ явилась въ его головѣ, но взглядъ, нечаянно упавшій на портретъ ребенка, висѣвшій на стѣнѣ, далъ другой оборотъ его мыслямъ.

«Нѣтъ, подумалъ онъ,—чѣмъ виновато это бѣдное созданіе? Какая будетъ его судьба, кто будетъ о немъ заботиться, когда меня не будетъ? А мать? что будетъ съ бѣдной старухой, когда узнаетъ... Нѣтъ, буду терпѣть до конца. Господи, за что же, за что!...»—И онъ бросился на диванъ и зарыдалъ какъ ребенокъ.

II

Въ то время, какъ Бронскій ходилъ къ антрепренеру и проводилъ время съ Потаповымъ и Крамолинымъ, жена его сидѣла у себя въ номерѣ. Не веселыя мысли бродили

у нея въ головѣ. Бѣдность, всевозможныя лишенія наложили свои слѣды на ея красивомъ лицѣ. Ей невольно приходили въ голову воспоминанія прошлаго. Вотъ вспомнился ей ея первый дебютъ; восторженный пріемъ публики, завистливые взгляды подругъ, перемѣна въ обращеніи антрепренера, говорившаго ей прежде, что у него полна труппа и она ему не нужна, и потомъ ласково и предупредительно предлагавшаго ей хорошія условія, оскорбительныя предложенія закулисныхъ ловеласовъ и т. д. Изъ всѣхъ, искавшихъ ея благосклонности, болѣе всѣхъ остался у ней въ памяти богатый купецъ Логиновъ, который былъ безъ памяти въ нее влюбленъ и дѣлалъ соблазнительныя въ ея положеніи предложенія, отъ которыхъ она отказалась и вышла замужъ по любви за бѣднаго актера Бронскаго. Съ этихъ поръ она начала испытывать горькое разочарованіе и въ своемъ талантѣ, и въ безпристрастіи эстетическаго вкуса публики. Началось съ того, что всѣ ея поклонники, подносившіе ей въ бенефисы громадные подарки, хлопотавшіе объ успѣшности сборовъ въ бенефисы и неистовствовавшіе во время вызывовъ—сразу отъ нея отшатнулись. Это сильно отразилось на сборахъ въ ея бенефисы; о подаркахъ не было и рѣчи, вызовы тоже стали гораздо сдержаннѣе. Антрепренеръ, видя все это, опять сталъ съ ней очень холоденъ и на слѣдующій годъ не возобновилъ съ нею контракта. Слѣдующій сезонъ она не получила ни откуда ангажемента и вдобавокъ послѣ родовъ очень долгое время прохворала. Цѣлый годъ они должны были существовать на одно очень небольшое жалованье Бронскаго. На слѣдующій затѣмъ сезонъ она хотя и получила ангажементъ, но такъ какъ гардеробъ свой во время болѣзни почти весь продала или заложила, то ее антрепренеръ часто обходилъ ролями, отдавая другой актрисѣ роли, для которыхъ у нея не было гардероба. Такимъ образомъ, не играя хорошихъ ролей и не имѣя возможности показать себя публикѣ, она, какъ незамѣтная актриса въ труппѣ, получила очень плохіе сборы въ свои бенефисы. Наконецъ безотрадное настоящее и страшное будущее приводили ее въ ужасъ. Утромъ, когда ушелъ мужъ, она отправилась въ кассу ссудъ, чтобы достать хоть сколько нибудь денегъ подъ залогъ серебряной ложки, единственной вещи, которую можно было заложить. Когда она оттуда возвращалась, ее на тротуарѣ вдругъ кто-то окликнулъ, она оглянулась—передъ ней стоялъ Логиновъ. Это былъ мужчина лѣтъ 40, довольно приличный, чтобы не сказать красивый.

— Ольга Ивановна!... Вотъ неожиданная встрѣча! говорилъ онъ, подавая ей руку.—Какъ поживаете?

— Ничего, слава Богу, отвѣчала Ольга Ивановна, не зная, какъ отъ него поскорѣе отдѣлаться.

— А я пріѣхалъ сюда по дѣламъ, сейчасъ вотъ отправляюсь на биржу, тамъ пробуду не болѣе получаса и затѣмъ мнѣ предстоитъ горькая участь скучать, ничего не дѣлая, въ ожиданіи поѣзда, а поѣздъ отходитъ завтра утромъ.

Онъ остановился, думая, что она пригласитъ его въ гости, но видя, что она молчитъ, онъ напросился самъ.

— Вы, надѣюсь, позволите мнѣ навѣстить васъ? Вы гдѣ живете?

Ольга Ивановна сказала адресъ и прибавила:

— Если желаете насъ навѣстить, то пожалуйте не раньше пяти часовъ, а то раньше моего мужа не будетъ дома.

Онъ раскланялся съ ней, сказавъ, что вечеромъ непремѣнно заѣдетъ.

Эта встрѣча пробудила въ ней воспоминанія прошлаго. Невольно предложенія богача Логинова приходили ей на умъ. Праздная и обставленная всѣми удобствами жизнь рисовалась въ ея воображеніи. Любовь ея къ мужу въ послѣднее время тяжелыхъ испытаній, если и не совсѣмъ угасла, то въ сильной степени охладѣла. Было нѣсколько мгновеній въ ея жизни за послѣднее время такихъ, что явись этотъ Логиновъ и возобнови свои прежнія предложенія,—она бы бросилась въ его объятія, что и случилось.

Размышленія ея были прерваны стукомъ въ дверь. Вошелъ Логиновъ. Узнавъ, что мужа ея не было дома, онъ началъ выставлять ея и безъ того некрасивое положеніе въ болѣе мрачныхъ краскахъ. Умоляя ее о взаимности и возобновляя свои прежнія предложенія, онъ увѣрялъ, что мужъ ея не будетъ много горевать о ея потерѣ.

— Повѣрьте, что онъ скоро утѣшится, говорилъ онъ. —Я знаю, что въ вашемъ быту скоро находятъ утѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ. Онъ даже радъ будетъ. Ему одному гораздо легче будетъ существовать. И кто знаетъ, что, выбившись изъ силъ отъ постоянныхъ лишеній, онъ самъ васъ не броситъ; это вѣдь тоже часто случается. И останетесь вы тогда въ болѣе ужасномъ положеніи.

Долго и убѣдительно говорилъ Логиновъ на эту тему. Ольга Ивановна слушала его внимательно. Борьба въ ней уже была кончена, холодный разсчетъ перевѣсилъ и она пала...

III

Долго бы пролежалъ бѣдный Бронскій, нравственно измученный и отуманившій свою голову виномъ въ такомъ количествѣ, котораго до сихъ поръ не употреблялъ, если бы не вошелъ къ нему неожиданный гость, Крамолинъ.

— Здравствуйте, Бронскій! сказалъ онъ ему, подавая руку.—Что, болитъ небось голова со вчерашняго? А?

— Да!

— Ну, значитъ, похмѣлья проситъ. Вѣрно. Какъ тутъ у васъ коридорнаго звать: Иванъ, Павелъ, Сидоръ что ли?... это мы въ секунду. Корридорный! закричалъ онъ, отворивъ дверь. И не успѣлъ Бронскій сказать слова, какъ онъ, давши вошедшему корридорному трехрублевую ассигнацію, приказалъ купить бутылку водки, сыру и колбасы на закуску.

— Напрасно вы это,—я не буду, сказалъ Бронскій.

— Вы не будете, такъ я буду. А, глядя на меня, и вы соблазнитесь. Да что вы носъ-то повѣсили? Слушайте, я пришелъ къ вамъ по дѣлу. Сейчасъ я встрѣтилъ Потапова, онъ мнѣ говорилъ, что у него вы просили взаймы, но у него вчера не было денегъ, и онъ мнѣ разсказалъ о вашихъ обстоятельствахъ, такъ вотъ пожалуйста безъ глупыхъ церемоній возьмите у меня пять рублей, когда будутъ, отдадите. Больше дать не могу, а это прошу взять.—И онъ подалъ Бронскому пятирублевую бумажку.

— Мнѣ право совѣстно, сказалъ тотъ, взявши деньги.

— Ну, это въ сторону. Теперь слушайте: я нашелъ вамъ мѣсто,—отправляйтесь ужо вечеромъ вотъ по этому адресу и кончайте съ антрепренеромъ. За мѣсяцъ впередъ денегъ дастъ. Что, готово? обратился онъ къ корридорному, принесшему водку и закуску.—Ставь сюда. Ножикъ и вилку! Да вотъ двугривенный за хлопоты получай.

Общительность и веселость Крамолина подѣйствовали на Бронскаго, ему какъ-то легче стало въ его присутствіи и онъ принудилъ себя выпить рюмку водки.

— Вотъ это такъ. Теперь я выпью одинъ, а потомъ повторите и вы,—сказалъ Крамолинъ, наливая рюмку.—Да что вы такимъ сычемъ сидите? Полно вамъ, говорю—все устроится отлично.

Бронскій, видя радушіе и доброту Крамолина, рѣшился подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ, о которомъ еще этотъ не зналъ. Крамолинъ выслушалъ его внимательно и серьезно, и, когда тотъ кончилъ, то, помолчавъ, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и спросилъ:

— А вы любите ее?

— Да!

— И теперь любите?

— Люблю.

— Глупо. Я бы не только любить, но даже думать о такой женщинѣ не сталъ. Промѣняла любимаго и любившаго ее человѣка по своей вѣтренности на комфортабельную жизнь содержанки. Да это что же, что же это за женщина? Что это за женщина, я васъ спрашиваю? Плюнуть нужно на такую женщину и вся недолга.

— Какъ вы это говорите! Разлюбить женщину по вашему такъ же легко, какъ выпить рюмку водки.

— Не сравнивайте пожалуйста такую женщину съ рюмкой водки. Рюмка водки славная штука, я ее съ наслажденіемъ выпью, а думать о такой женщинѣ гадко, противно.

Крамолинъ выпилъ рюмку, прошелся по комнатѣ и, остановясь у письменнаго стола, посмотрѣлъ враждебно на портретъ женщины, стоявшій посрединѣ его. Хоть онъ и не зналъ жены Бронскаго, но предполагалъ, что это былъ ея портретъ. Чтобы перемѣнить разговоръ, Крамолинъ, взявъ лежавшую близъ портрета піесу, спросилъ:

— Что это за піеса, чья это?

— Моя, сказалъ Бронскій.

— Вотъ какъ! Вы авторствуете? Что это за эпидемія нашла на актеровъ: всѣ пустились писать піесы. Ужь и пишутъ же—унеси ты мое горе!... Можно посмотрѣть ваше дѣтище?

— Сдѣлайте одолженіе. Я еще никому не показывалъ, все боялся получить разочарованіе въ моей послѣдней надеждѣ, это мое любимое произведеніе. Прочтите пожалуйста и скажите ваше мнѣніе о ней. Вамъ я повѣрю, потому что вижу ваше участіе ко мнѣ. Если плохо—сожгу ее и больше никогда ничего не стану писать.

Крамолинъ съ недовѣрчивой улыбкой началъ пробѣгать страницы тетради и по мѣрѣ того, какъ онъ ее перелистывалъ, недовѣрчивая улыбка сглаживалась съ его лица. Внимательно прочитавъ первый актъ и бѣгло просмотрѣвъ остальные, онъ положилъ тетрадь на столъ и сказалъ:

— Послушайте, зачѣмъ вы актерствуете?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы существовать.

— Вотъ ваше существованіе,—сказалъ Крамолинъ, указывая на тетрадь.—Скажу больше: это ваше богатство. Вы талантливый драматургъ, или я ни бельмеса не понимаю.

— Вы шутите...

— Всегда и всѣмъ, но не такими вещами. Говорю вамъ серьезно, посылайте въ цензуру и да будетъ надъ вами мое товарищеское благословеніе.

Посидѣвъ еще немного, Крамолинъ ушелъ, поздравляя Бронскаго будущимъ великимъ драматургомъ.

Піесу свою Бронскій отправилъ въ цензуру въ этотъ же день, а вечеромъ отправился по адресу къ антрепренеру, съ которымъ съ двухъ словъ заключилъ условіе, подписалъ контрактъ и получилъ деньги за мѣсяцъ впередъ. Отда[illegible] Крамоли[illegible]ть рублей и расплатившись въ [illegible]цѣ, [illegible] въ К., мѣсто своего служенія. [illegible]чилъ изъ цензуры одобренную [illegible] прочитавши ее, изъявилъ свое со[illegible] сценѣ своего театра. Піеса бы[illegible]о изъ актеровъ, который былъ [illegible] вы-

кляньчилъ ее у него. Піеса имѣла громадный успѣхъ и была вскорѣ повторена въ бенефисъ автора. Бронскаго вызывали несчетное количество разъ, словомъ, успѣхъ піесы былъ упроченъ.

Нѣсколько времени спустя, Бронскій прочиталъ въ газетахъ, что его піеса давалась еще въ нѣсколькихъ городахъ и вездѣ имѣла положительный успѣхъ. Пославши въ цензуру написанную еще раньше этой піесу, Бронскій засѣлъ писать новую. Эта новая піеса превзошла ожиданія, составившіяся послѣ двухъ первыхъ; Бронскій получилъ извѣстность, бросилъ актерство и посвятилъ себя исключительно литературѣ.

А. Морозовъ.

(*До слѣдующ. №*).

ЕСТЬ НЕДѢЛЬ ПОСТА

(ЗАПИСКИ АНТРЕПРЕНЕРА).

Первая. Насилу вырвался изъ этого проклятаго города *** въ Москву. Отдохну немного и схожу въ Щербаки, надо тамъ показаться, затѣмъ въ банкъ, прибавимъ къ капитальцу еще тысченку съ лишнимъ. Да, если бы не уменьшилъ всѣмъ сразу жалованья, не съ чѣмъ было бы выѣхать. Положимъ, побить меня хотѣли; ну что-жь, бей... а деньги-то все-таки есть. Въ будущемъ году труппы держать не буду, а прибьюсь къ какому нибудь клубу... Впрочемъ, если цѣна на актеровъ упадетъ, подумаю, а то никакихъ силъ нѣтъ! Думалъ этотъ сезонъ хоть на буфетѣ взять, актеры-то все народъ трезвый были—не пьютъ вовсе; конечно, разговоръ о моемъ разсчетѣ будетъ, это я знаю; кто же Богу не грѣшенъ? Надо будетъ на будущей недѣлѣ молебенъ заказать, а то за этими театральными дѣлами совсѣмъ Бога забываешь... Я нарочно остановился въ плохомъ нумеришкѣ, чтобы не подумали чего и притомъ разсчетъ. Вотъ Челышей, хотя тамъ дешево, я боюсь: очень много тамъ актеровъ останавливается. Выпьютъ лишнее и обидятъ; я человѣкъ маленькій, слабенькій, долго ли до грѣха? Не знаю: надѣть часы съ брелоками или безъ брелокъ. Пожалуй оторвутъ. Надѣну, ничего; если кто посмотритъ эдакъ, будто сорвать хочетъ, сюртукомъ закрою. Вотъ еще надо деньги въ Общество драматическихъ писателей отвезти. Охъ, охъ-хо! Жаль, очень жаль денегъ, да ничего не подѣлаешь. Можно бы и не отдавать, да суда боюсь... Одѣну черную пару, оно и приличнѣе, и попредставительнѣе будетъ.

Съ будущей недѣли надо начать все-таки ко всему прислушиваться; только одно неудобно: во всѣхъ этихъ мѣстахъ все тратиться надо. Въ Щербакахъ расходъ, въ Кружкѣ расходъ, въ Нѣмецкомъ расходъ. Ну, авось какъ нибудь отъ нихъ отбояримся,—не впервые.

Вторая. Очень мало расходовъ пока сдѣлалъ. Слава Богу, пока никакихъ обидъ не нанесли. Посматривалъ было одинъ косо на меня, да я улизнулъ. Какъ видно, цѣны нынче упадутъ и упадутъ сильно. Денегъ ни у кого не останется къ пятой недѣлѣ. Вотъ тогда и лови! Пока живу весело. Водочку пью больше не свою; раззоришься на огурчикъ свѣженькій—и только. Впрочемъ въ понедѣльникъ и водку поставилъ. Нельзя. Третьяго дня подходитъ одинъ актерикъ, потолкался около, отвелъ въ сторону меня и предлагаетъ себя за семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ... Работникъ-то онъ полезный, а все-таки я отказалъ... До пятой подождемъ, онъ и за тридцать пойдетъ. Надо вотъ будетъ актриску съ голоскомъ подобрать, подешевле и посмирнѣе, а то вѣдь онѣ, какъ воспитаны на опереткахъ, такъ очень дерзки. У меня случай такой былъ ужь разъ.

На дняхъ зашелъ одинъ изъ тѣхъ, что служилъ у меня. «Дайте хоть что нибудь, говоритъ, я къ отцу домой поѣду на лѣто». Не далъ. «У самого, говорю, въ карманѣ пусто»... Ушелъ онъ и выругался... Я даже пожалѣлъ, что не далъ ему... Хотѣлъ его вернуть, а онъ ужь былъ далеко.

Увидалъ въ газетахъ, что займы падаютъ. Надо будетъ нарочку билетиковъ закупить. Пригодятся на черный день.

Заходилъ парикмахеръ, бѣдный. Двадцать париковъ принесъ. «Дешево, говоритъ, продамъ: по три рубля». —«Это страшно дорого, говорю, а по рублику?...» Помялся онъ, помялся, поклянчилъ, поклянчилъ, а за рубль съ гривной и отдалъ ихъ. Пригодятся.

Утромъ нынче пришло мнѣ въ голову сходить къ Сухаревой. Сходилъ и такихъ два шитыхъ мундира купилъ, что прелесть. Положимъ, что они могутъ быть и краденые, ну, мнѣ-то все равно. Позументъ спорю, а изъ него рубля на четыре серебра выйдетъ... Мундирчики-то за три цѣлковенькихъ придутся.

Третья. Актеровъ, актеровъ наѣхало, страсть! Весь трактиръ запрудили. Подарковъ не показываетъ никто. Значитъ дѣла плохи. Водку все-таки пьютъ и зернистую икру ѣдятъ. Распустилъ нарочно слухъ, что бросаю антрепризу. Оно ловчѣе какъ-то, а пока присматриваться надо. Впрочемъ, двухъ комиковъ обнадежилъ что если буду держать, такъ возьму ихъ. Народъ-то они подхо-

дящій. Жалованья мало берутъ деньгами, а все въ буфетѣ имъ счета ведутся.

Надо будетъ еще гдѣ нибудь подешевле винца купить. Мадерка у меня и въ сорокъ копеекъ сойдетъ,ココ хересокъ тоже, а за рюмку вѣдь по двугривенному берешь. Надо еще вотъ въ «Полицейскія Вѣдомости» взглянуть: не продается ли чего по нашей части.

Вотъ, если бы можно было дрова везти по дешевой цѣнѣ въ ***, хорошо бы было, а то дороги они тамъ, а актеры требуютъ, чтобы театръ топить. Удивительный, право, народъ! Въ буфетѣ такое количество согрѣвающихъ напитковъ, а они топки требуютъ.

Вчера имѣлъ разговоръ съ однимъ товарищемъ. «Что, говорю, дѣла?» — «Слава Богу, говоритъ. Въ мою опереточную актрису гусаръ одинъ влюбился да гимназистъ, такъ со всѣми товарищами каждый вечеръ ходили, а то бы, говоритъ, и не жить мнѣ»... Счастье вѣдь людямъ, а у меня какъ на грѣхъ въ актрисъ не то что влюбляться, а смотрѣть на нихъ не хотятъ. Стары, говорятъ. Стары? хмъ! Возьми-ка попробуй молодую. Четыреста въ мѣсяцъ норовитъ, а то и всѣ пятьсотъ, а намъ такъ и *полтораста много*. Хорошо бы, если бы актриску и на оперетку, и на драму найти. Можно бы лишнюю сотнягу накинуть. Вчера мнѣ адресъ одной такой дали, надо съѣздить. — Прицѣпился къ любовнику, проситъ двѣсти пятьдесятъ. Много!

Четвертая. Въ Щербаки хоть не ходи: со всѣхъ сторонъ спросы да распросы. По моему разсчету, я могу хорошую труппочку собрать. Я полагалъ было, что наплетутъ на меня Богъ знаетъ что, а дѣло-то такъ вышло, что тѣ-же, которымъ я не доплатилъ, просятся ко мнѣ. Актеры эти народъ ужь такой. Дай денегъ впередъ и что хочешь и дѣлай изъ него. Вотъ у кого изъ нихъ деньжонки есть, тотъ не выгоденъ для насъ. Впрочемъ, такихъ немного; они вѣдь тоже, какъ заведутся деньжонки, такъ въ антрепренеры. Глупо дѣлаютъ, намъ только мѣшаютъ: дѣла не понимаютъ и цѣны портятъ...

Ѣздилъ я къ той, что и оперетку, и драму играетъ. Живетъ хорошо, собою смазлива, но одно требуетъ, чтобъ и мать ея взять, и брата, «а безъ нихъ, говоритъ, не поѣду. Я вамъ заранѣе ручаюсь за успѣхъ, говоритъ; братъ сразу знакомства по трактирамъ заведетъ, маменька та по богадѣльнямъ и больницамъ ходитъ, ну конечно и у попечителей побываетъ. Сборы я, говоритъ, сдѣлаю навѣрно. Въ вашемъ городѣ какой родъ войска стоитъ?» — Пѣхота, говорю, и саперы. — «Вотъ это не того, плохо! Кавалерія или артиллерія лучше бы. Впрочемъ саперы тоже народъ хорошій». Словомъ, такъ обольстила, что я ей вкупѣ съ братомъ и матерью четыреста рублей надавалъ, а она все за пятьсотъ норовитъ. Подождемъ.

Утромъ вчера является одинъ актеръ. «Денегъ, говоритъ, надо мнѣ, такъ не дадите ли мнѣ вотъ подъ два портсигара да ковшъ серебряный». — «Развѣ, говорю, я закладчикъ?» Однако далъ ему полсотенную, а вещи-то больше полутораста стоятъ. Предложилъ онъ мнѣ свои услуги, сказалъ — подумаю. Вечеромъ приноситъ онъ мнѣ обратно пятьдесятъ рублей. «Что же, говорю, скоро?» — «Кончилъ, говоритъ, такъ денегъ впередъ взялъ». Жалко; вещи-то могли у меня остаться!

Комикъ проситъ сто двадцать пять, а за жену семьдесятъ пять; да она-то мнѣ вовсе не нужна! И зачѣмъ эти актеры женятся на актрисахъ? Онѣ только дѣло тормозятъ. Право. Въ Кружкѣ сыгралъ въ преферансикъ и взялъ три красненькихъ. И то хорошо.

Пятая. Если бы нашелся одинъ актеръ на опереточнаго любовника и на драматическаго, было бы великолѣпіе. Съ той, что съ братомъ и съ матерью, подписалъ уже контрактъ по 450 руб. въ мѣсяцъ. Дорога, чортъ ее дери!

Удивительно, ни одинъ суфлеръ ко мнѣ нейдетъ! Не самому же мнѣ суфлировать. Подождемъ, пообтреплется немного, такъ пойдетъ. Ѣсть-то, братецъ, захочется!

Купилъ вчера у одной актрисы дешево два платья шелковыхъ. Пригодятся.

Вотъ въ Кружкѣ не повезло. Проигралъ полсотенную. Авось отъиграемся какъ нибудь. Сегодня является одинъ мущина. «Что, говорю, вамъ?» — Я, говоритъ, артистъ. «По какой, спрашиваю, части?» — А по части мордобитій! — Я такъ и отскочилъ. — «Развѣ вы, говоритъ, слово артистъ не понимаете?» — Извините, говорю. — «То-то! Я, продолжаетъ, пѣвецъ-басъ, а также и трагедіи играю. Со мною вамъ расходовъ мало будетъ». — Какъ, говорю, мало? — «А такъ, что я со своими декораціями ѣзжу постоянно». — Гмъ! Подумаю, подумаю... — «Хорошо, подумайте, говоритъ; а только другой разъ не спрашивайте, говоритъ, по какой части, а то изуродую»...

Удобствъ конечно много, если у него свои декораціи, только какъ его взять? Свирѣпъ онъ очень...

Сейчасъ поймалъ любовничка, прелесть! Угостилъ его водочкой [illegible] кой и кажется завтра кончу. Цѣны было упали [illegible] акъ разъѣхались многіе, опять подня [illegible] Ну, Кружокъ этотъ! Баста! пе- [illegible] вухсотъ рублей продулъ! [illegible] по немногу. Вещи все недороги [illegible] трезвости не принадлежатъ. [illegible] илъ таки его. «Я, говоритъ, ва [illegible] только ролей, ролей давайте». [illegible] ую подобралъ. Толста страсть [illegible] Простачокъ тоже ничего, только люб [illegible] и игратѣ.

Это намъ на руку. Кстати о картахъ: не стерпѣлъ таки, сѣлъ въ рамсъ играть въ Кружкѣ и проигралъ еще сто рубликовъ. И подѣломъ мнѣ, дураку.

Сейчасъ любовникъ мой угощалъ меня обѣдомъ въ Патрикѣевскомъ. Славно пообѣдали. Подбивалъ онъ меня поставить бутылочку чего нибудь, только я не согласился. «Не могу, говорю, пить больше».

Чортъ знаетъ, что такое! Опять продулся. Нѣтъ, прійдется понизить жалованье актерамъ процентовъ на десять. Предложу имъ, а то какъ угодно, ступай на всѣ четыре стороны. Хорошо еще, что контракты не подписаны.

Согласились всѣ, кромѣ любовника. Чортъ съ нимъ! Я ему за это при бенефисѣ напакощу. Ѣду, ѣду завтра домой! Слава Богу, обдѣлалъ все какъ надо. Пріѣду домой, молебенъ отслужу, а тамъ съ августа съ Божьей помощью и за дѣло. Авось въ будущемъ еще тысченку присовокупимъ отъ трудовъ праведныхъ.

А. Д—жій.

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА

(изъ Жана Ришпена).

Жизнь наша, послѣ свадьбы,
Такъ сладко протекала,
Что я хотѣлъ топиться,—
Ты камень отыскала!

Но я не торопился
Свершить такое дѣло...
Тогда на шею петлю
Сама ты мнѣ надѣла!

Я, прежде чѣмъ бросаться
Внизъ головою въ воду,
Нашелъ себѣ въ рѣченкѣ
Мѣстечко ближе къ броду.

«Тутъ мелко, мой голубчикъ!»
Съ улыбкой ты сказала—
И мнѣ глубокій омутъ
Рукою указала.

«Мнѣ страшно... простудиться!»
Я прошепталъ уныло;
И что-жь?—моя голубка
Мнѣ яду предложила!

А. Г—чевъ.

олковый словарь

самыхъ употребительныхъ словъ въ купеческомъ быту, необходимый для каждаго купца, считающаго себя образованнымъ.

СОСТАВЛЕНЪ ПРИКАЩИКОМЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНІИ ПОЛУАРШИНОВЫМЪ.

(Окончаніе).

Ц.

Цапцапарель. Послѣ запою еще лучше, говорятъ, чѣмъ дикохтъ, только во рту непріятенъ и съ виномъ и водкой мѣшать нельзя.

Ценизмъ. Слово иностранное и значитъ оцѣнка касательно капиталу. Примѣрно, говорятъ: я вашъ ценизмъ знаю, это обозначаетъ, что я дескать объ вашемъ капиталѣ извѣстенъ.

Цугундеръ. Слово неизвѣстное и объясняется по разному: кто говоритъ кладбище, а кто Титы, другіе говорятъ, что фарталъ или вонче начальство.

Ш и Щ.

Швицарія. Земля такая за границей, откуда всѣ швицары произошли, что у подъѣздовъ стоятъ.

Шентрапа. Самыхъ низкихъ чувствъ человѣкъ и больше изъ прогорѣвшихъ. Шентрапы этой много по субботамъ, когда раздача бываетъ, по рядамъ шляется.

Шасе. Дорога безъ рельцовъ и лѣтомъ очень пыльная. Прежде хорошо было Владимірское шасе, а теперь при желѣзной дорогѣ, по немъ только преступниковъ водятъ.

Шинпанское. Это и объяснять не зачѣмъ, испробуй, заплати, по теперешнимъ цѣнамъ, шесть съ полтиной и узнаешь, что за штука. Только послѣ водки не пей—замутитъ.

Шкилетъ. Не къ ночи будь сказано, слово нехорошее, потому смерть обозначаетъ и всегда съ косой рисуется. Въ навирситетѣ, говорятъ, шкилетовъ гибель, только какъ они ихъ не боятся, удивительно!

Шкиблеты. Слово сапожное и только къ нѣмецкому платью и идетъ.

Щиколадъ. Важная штука, въ родѣ кофію, очень для сердца трогательно и для фантазіи удобно. Такія вещи въ голову лѣзутъ, что страсть!

Ю.

Юль. Ресторанъ такой за городомъ, гдѣ цыгане поютъ, послѣ Стрѣльны да Яру первое мѣсто.

Я.

Яманскій ромъ. Съ чаемъ хорошо или съ пунштомъ, а гольемъ—яманъ, оттого яманскимъ и зовется.

Ярмонка. Ихъ двѣ Макарьевская и Ирбитская. Первая лучше, потому тамъ Волга, Откосъ, Кузнецовъ, Никита Егоровъ, да Соболевскія бани хороши тамъ, а подъ Главнымъ домомъ еще чище, только жулья много. Ирбитъ больше насчетъ картъ, только туда хозяева сами мало ѣздятъ, а больше прикащиковъ посылаютъ, даже особыхъ для этого прикащиковъ держутъ, а въ Нижній близко и сжели запьешь, дальше Балахны не уѣдешь, а изъ Ирбита въ Нерчинскъ пожалуй попадешь али на Амуръ.

Яръ. Ресторанъ очень хорошій и такъ накормятъ, что прелесть, особенно.... впрочемъ, зачѣмъ разсказывать, истрать четвертную, узнаешь, что это за штука.

А. Д—жій.

БЕСѢДА ГЛАСНАГО СЪ НЕГЛАСНЫМЪ

Въ Бубновскомъ обѣтованіи московскихъ коммерсантовъ сидятъ наши старые знакомые Иванъ Андреевичъ и Иванъ Ѳаддеевичъ.

— Ну, зналъ бы, что ты тутъ, право бы не пошелъ, сказалъ Иванъ Ѳаддеевичъ, продолжая начатый разговоръ.

— Что такъ? спросилъ Иванъ Андреевичъ,—или много набѣдокурили, что стыдно на людей смотрѣть?

— Знаю, все знаю, что ругать будешь, отвѣчаетъ Иванъ Ѳаддеевичъ,—знаю, что сглупили, да что будешь дѣлать? одинъ въ полѣ не воинъ.

— Еще бы не сглупили! вы точно дикіе поступаете, тѣмъ только отъ нихъ и отличаетесь, что въ носу колецъ нѣтъ, да вмѣсто перьевъ въ панталонахъ щеголяете. Вѣдь вы Москву срамите: то дорогу конную разрѣшили, а то вдругъ ни съ того, ни съ сего закрываете, цѣлый край дешеваго пути лишаете; то все дорога не мѣшала, а тутъ вдругъ помѣшала.

— Что-жь дѣлать, Иванъ Андреичъ? рысачникамъ она мѣшаетъ, колѣнцевъ имъ нельзя стало дѣлать, Москву дивить. Обидно имъ, что ихъ этого удовольствія дорога конная лишила, такъ они и попросили своихъ пріятелей гласныхъ, вотъ тѣ и подали заявленіе, чтобъ уничтожить Покровскую линію; ну, и рѣшили закрыть эту линію.

— А если эту линію закроютъ, то безъ нея и всѣ линіи закрывай,—сказалъ Иванъ Андреичъ,—и Сокольницкую, и Таганскую, и къ Покровскому мосту.

— Эхъ, братъ Иванъ Андреичъ, мы сами виноваты: въ Думѣ сидимъ да только жвачку жуемъ да дремлемъ, человѣкъ пять за всѣхъ говорятъ, а остальные все въ молчанку играютъ. Вотъ мнѣ сказывали, что одинъ кирпичникъ, у котораго овчарки людей живыхъ ѣдятъ, по гласнымъ ѣздилъ, просилъ насчетъ закрытія дороги, потому что она мѣшаетъ ему шибко ѣздить и кирпичъ съ завода возить: вѣдь у него сотни возовъ каждый день кирпичу возятъ по Покровской улицѣ, цѣлые рыдваны еще ѣздятъ съ лѣпными фигурами съ завода, такъ ему эта дорога очень мѣшала и ея закрытію онъ больше всѣхъ радуется.

— Думѣ-то лучше бы было, Иванъ Ѳаддеичъ, запретить по Покровской улицѣ безобразнымъ линейкамъ ѣздить, вѣдь ихъ 65 линеекъ ходитъ, ѣздятъ по обѣимъ сторонамъ, въ двадцать разъ больше конной дороги мѣшаютъ; линейки всѣ развалились, сбруя веревочная, у кучеровъ армяки худые, кто въ шапкѣ, кто въ шляпѣ, такихъ экипажей, какъ московскія линейки, и въ Туруханскѣ не встрѣтишь, не проходитъ недѣли, чтобы двѣ-три линейки на улицѣ не сломались. Вотъ за чѣмъ бы надо Управѣ-то смотрѣть, вотъ это безобразіе надо ей уничтожить, а конныя дороги въ другихъ государствахъ городу помощь даютъ. Да пора бы вамъ въ Думѣ догадаться дать правила ѣзды по улицамъ, а то у насъ отъ однихъ ломовиковъ проѣзду нѣтъ, отъ кирпичниковъ тѣснота, пыль, ломка. Надо бы Думѣ обязать, чтобы кирпичъ только рано утромъ возили. Теперь отъ этого закрытія конной дороги только бѣдный класъ пострадаетъ: тысячи народу лишится дешеваго и покойнаго пути.

— Правду говоришь, Иванъ Андреичъ; да у насъ все такъ; теперь вотъ всѣ мѣста на рынкахъ въ руки жидамъ передали, сами жидовскую монополію въ городѣ разводимъ и нищихъ прибавляемъ. Вотъ тепловой сборъ сложить хотѣли, да и то не съумѣли, теперь опять съ нимъ остаемся. На отысканіе воды 40 тысячъ истратили, да опять безъ воды остались. За что ни возьмемся, все изъ рукъ валится. Соберемся мы въ Думу, мѣряемъ, мѣряемъ рѣшетомъ воду, да одинъ по одному въ тихомолку и разойдемся: хвать вопросъ рѣшать, а законнаго числа гласныхъ нѣтъ, опять оставимъ до другаго раза.

— Ну, а что, какъ ваши санитарные попечители дѣйствуютъ, Иванъ Ѳаддеичъ?

— Да какъ тебѣ сказать? которые дѣйствуютъ, а которые все еще собираются: и шапки не надѣвали, и рукавицъ въ руки не брали, какъ говорится. Вотъ спасибо Алексѣеву, этотъ, братъ, живо собрался и такъ свой участокъ очистилъ, что если бы всѣ такъ дѣлали, то Москва красавицей бы стала, изъ старухи молодою

сдѣлалась бы. Надо бы Думѣ догадаться такую коммисію на пять лѣтъ оставить, чтобы она пять лѣтъ сряду каждую весну Москву охорашивала, такъ чрезъ пять лѣтъ Москва такъ бы оздоровѣла, что въ больницахъ всегда бы мѣста были, а не то что какъ теперь, никогда круглый годъ мѣстъ нѣтъ.

— Ну, не былъ ли ты, Иванъ Ѳаддеичъ, на подрядномъ обѣдѣ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, не былъ, а мой пріятель былъ. Этотъ обѣдъ въ 250 руб. на каждую персону обошелся, на 12 персонъ 3000 рублей.

— Да что ты? развѣ это можно?

— Да такъ, видно можно: рейнвейнъ столѣтній нарочно выписанъ былъ изъ Вѣны 10 бутылокъ, по 40 рублей бутылка изъ Меттерниховскихъ погребовъ, живые фазаны изъ Саксоніи были привезены, стерлядь была за два мѣсяца заказана, 350 руб. стоила; столъ былъ весь изъ розановъ сдѣланъ,—розовый кустъ представлялъ и вся комната въ цвѣтахъ была. За нихъ 800 руб. заплатили, фрукты изъ Парижа были превезены, землянику собирали и здѣсь, и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ на 120 руб. Супъ былъ изъ живыхъ черепахъ изъ Италіи, ихъ для обѣда выписали, за сервировку по 25 руб. съ персоны было взято, шампанское было изъ Наполеоновскаго погреба, 18 руб. бутылка стоила. Каждому гостю послѣ обѣда была подана корзинка съ конфектами и серебряная тарелка съ фруктами, все это стоило по 55 руб. на персону. Вотъ каковъ былъ обѣдъ! Однако прощай, Иванъ Андреичъ.

— Прощай, Иванъ Ѳаддеичъ. Пожалуйста вы тамъ въ своей выборной-то избѣ поменьше спите.

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНІЯ ИЗЪ САФИРА

Большое счастіе, что ложь не умираетъ, а то безъ нея и не знали бы, что такое правда.

—

Мальчикъ часто бѣгаетъ уже на третьемъ году, а дѣвушка и на сороковомъ часто сидитъ.

—

Въ нашихъ общественныхъ кружкахъ, большею частію, говорятъ о томъ, чего не знаешь, а такъ какъ многіе очень многаго не знаютъ, то понятно, что очень много говорятъ.

—

Человѣкъ, отыскивая ангела, едва ли найдетъ человѣка, а если онъ будетъ искать человѣка, то онъ скорѣе отыщетъ ангела.

—

Всякій человѣкъ не болѣе какъ плодъ, который виситъ на деревѣ жизни до семидесяти лѣтъ и затѣмъ срывается небомъ, если только буря и непогода раньше не сорвутъ его съ дерева жизни.

Въ жизни очень много противуположностей, которыя однако зависятъ одна отъ другой, напримѣръ:

Чѣмъ свѣтлѣе голова, тѣмъ мрачнѣе взоръ.

Чѣмъ полнѣй сердце, тѣмъ пустѣй карманъ.

Чѣмъ выше себя ставишь, тѣмъ ниже кажешься другимъ.

Чѣмъ обширнѣе выраженіе, тѣмъ у́же понятіе.

Чѣмъ позже влюбляются, тѣмъ раньше тебя называютъ дуракомъ.

Чѣмъ бѣднѣе становятся авторы, тѣмъ богаче издатели.

Чѣмъ короче платья, тѣмъ длиннѣе счетъ.

—

Несчастія приписываются людьми судьбѣ, счастіе же они приписываютъ своимъ собственнымъ заслугамъ.

—

Зѣваніе есть дѣло чистой симпатіи: чѣмъ болѣе человѣкъ симпатизируетъ другому, тѣмъ чаще одинъ зѣваетъ, когда и другой начнетъ зѣвать; по этому симпатія и есть причина, что часто супруги вмѣстѣ зѣваютъ. Я, напримѣръ, зѣваю въ обществѣ затѣмъ только, чтобы узнать, кто мнѣ симпатизируетъ.

—

Отецъ со своими дочерьми составляетъ для жениховъ только государственный билетъ съ купонами, гдѣ собственно купоны составляютъ интересъ бумаги.

—

Домъ сумасшедшихъ есть домъ счастія, потому что уже и то счастіе, что для безумныхъ выстраиваютъ домъ, между тѣмъ какъ человѣку съ разумомъ никто̀ дома не выстроитъ.

—

Каждый домъ сумасшедшихъ есть не болѣе какъ каменный комплиментъ людямъ разумнымъ, которые туда не попали.

—

Говорятъ, въ винѣ истина; я знаю тысячи людей, которые цѣлый годъ пьютъ и ни разу истиннаго слова не сказали.

—

Въ плачущемъ человѣкѣ мы очень часто можемъ ошибиться, въ смѣющемся же никогда.

—

Неизвѣстно, для чего служатъ болѣе желѣзныя дороги: для соединенія людей или для ихъ разъединенія?

—

Люди любятъ другъ друга не безъ причинъ, а очень часто ненавидятъ совершенно безъ всякихъ причинъ.

тамъ не досмотрѣли, налили въ меня пива. Малость я въ кабакѣ постояла, а тутъ и къ столу въ честную компанію подана была. Къ счастію компанія-то была пьяная, не разобрала. На утро въ томъ домѣ, куда меня купили то, такъ разочли: бутылокъ скопилось много, денегъ за нихъ въ кабакѣ не оставлено, а за насъ по пятачку оставляютъ, такъ чѣмъ нести ихъ обратно къ кабашнику, лучше старьевщику по двѣ копейки за штуку продать. Взяли насъ всѣхъ да и продали, вотъ и опять я здѣсь въ лавкѣ очутилась.

— Все это такъ; только што же это смотрѣнія нѣтъ, что васъ изъ подъ масла да подъ квасъ, изъ подъ фотогену подъ пиво пущаютъ?

В.

Хоть ври да говори!

„Да что-жь вы, черти, молчите, — говорите хоть что нибудь".
Соколовъ о Горевѣ. „Петерб. Листокъ" № 54.

Куда ни посмотришь—повсюду
Весь свѣтъ не доволенъ житьемъ,
Вопросы все валятся въ груду,
Отвѣты-жь стоятъ ни причемъ.
Талантливый Горевъ на сценѣ
Себя обставляетъ гнильемъ,
Чтобъ быть *одному* на аренѣ
Искусства,—и губитъ живьемъ
Всю пьесу, безъ спѣвки. Смотрите,
Какъ онъ же кричитъ во всю грудь:
«Да, что же вы, черти, молчите?!
Хоть врите съ плеча что нибудь!»

Вонъ въ Думѣ *глава* возсѣдаетъ,
А сзади ужь тифъ за хохолъ
Могуче его потрясаетъ;
Глава тутъ руками развелъ:
«Ну, *гласные*, чуръ, не зѣвайте,
А думайте думу скорѣй;
Отъ тифа нашъ городъ спасайте
Спать поздно—какъ моръ у дверей!
Мозгами скорѣй шевельните,
Наставьте, родные, на путь....
Да, что же, вы, черти, молчите?!
Хоть врите съ плеча что нибудь!»

На сценѣ ахтеръ-Марковецкій
Ветхъ деньми и памятью плохъ,
Съ нимъ Нильскій ахтеръ *все-игрецкій*,
Бурдинъ съ головой но безъ ногъ,
Несутъ чепуху преотважно,
Самъ Лепинъ за ними глядитъ!—
Въ «Синичкинѣ» Нильскій преважно
«Гамлета» ввернуть норовитъ,
Бурдинъ вдругъ оретъ: «не спѣшите!»
А Лепинъ, бія себя въ грудь:—
«Да, что же, вы, черти, молчите?!
Хоть врите съ плеча что нибудь!»

А. Валеріановъ.

МОСКОВСКІЯ ЗРѢЛИЩА И УВЕСЕЛЕНІЯ

(по справкамъ, собраннымъ господиномъ ха! ха! ха).

За Семеновской заставой, исключительно по ночамъ, травля людей Гусаревскими собаками.

У *заднихъ* дверей кабаковъ, въ праздничные дни, до окончанія обѣденъ, исполняется мастеровыми разудалая пѣсня:

«Ты, Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота!!!»

Въ зданіи Московской Думы, во время каждаго засѣданія, хлопанье глазами исполняютъ г-да гласные.

Во многихъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ весьма часто поется кассирами пѣсня:

«Ужь я золото хороню, хороню!...»

На купеческой биржѣ, ежедневно, различныя акціи и облигаціи дѣлаютъ замысловатыя гимнастическія упражненія на столбахъ повышенія и пониженія курса.

Въ Зеркальномъ ряду, ежедневно, фокусникъ-магикъ (увы!! уже выпорхнувшій почему-то изъ кутузки!) показываетъ свое искусство, глотая цѣлые листы вексельной, писчей, оберточной и газетной бумагъ,—при чемъ зрители, состоящіе изъ торговцевъ, не могутъ удержаться отъ восклицаній: «поди-жь ты, какъ ловко! настоящій профессоръ! Вотъ бы намъ, грѣшнымъ, обучиться такому искусству! Оно при торговлѣ-то, о-охъ, какъ пользительно! и пр.

Въ трактирѣ Лопашева, ежедневно, даются концерты оркестромъ, состоящимъ изъ желудковъ г-дъ посѣтителей, подъ аккомпаниментъ возгласовъ надоѣдливыхъ половыхъ:

«Сударь, сударь, рубликъ дай
Намъ на водку и на чай!!

На многихъ улицахъ Москвы, ночные сторожа задаютъ веселые концерты, храпя во всѣ носовыя завертки.

Тамъ же, и днемъ, и ночью, совершаются удивительныя скачки съ препятствіями. Припятствія составляютъ

волчьи ямы, которыми такъ щедро награждены наши мостовыя и которыхъ думскіе подрядчики какъ будто не замѣчаютъ.

Въ городскихъ рядахъ, ежедневно, процвѣтаетъ веселая игра—*«стуколка»*, которую купцы изъ породы замоскворѣцкихъ Китъ Китычей щедро угощаютъ своихъ въ чемъ нибудь провинившихся молодцовъ.

Повсюду, во всѣ дни и часы, играли, играютъ и будутъ играть въ «прятки» кредиторы съ должниками, при чемъ прячутся вторые, а первые ищутъ ихъ.

Господинъ Ха! ха! ха!

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

зволено цензурой. Москва, 2-го Мая 1878 года.

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз ч. 1 кв. № 82).